

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

Чабуа АМИРЭДЖИБИ:

УЗНАТЬ СЕБЯ В ГЕРОЕ

Роман известного грузинского писателя, сценариста, кинокритика Чабуа Амирэджоби «Дата Туташхиа» сразу же после выхода в свет вызвал большой общественный резонанс. После демонстрации телефильма «Берега», снятого по этому роману, автору пишут из всех уголков страны, из-за рубежа. И вот наша встреча с писателем.

ДЕСЯТЬ лет писался роман. Когда в 1972 году в Грузинском журнале «Цискари» появился первый отрывок из книги, журнал невозможно было достать. Молниеносно разошлись грузинское и русское издания. Роман перевели на шведский, датский, финский, румынский, польский, болгарский, испанский и другие языки... По этому произведению все союзным объединением «Экран» и был снят семисерийный телевизионный фильм «Берега». К писателю пришел большой успех...

В назначенный день, когда раннее весеннее солнце уже ослепило все стекла тбилисских домов, я в рабочем кабинете Чабуа Ираклиевича Амирэджоби. В комнате много света, ничего лишнего. Книжки. На столе — пишущая машинка, телефон, словари. Несколько фотографий дорогих ему писателей. Чабуа Амирэджоби — красивый, высокий человек, сохранивший юношескую стройность, с чеканным профилем воина и мудреца.

— Вы спрашиваете, как я отношусь к славе? Пожалуй, отрицательно. Есть одна очень интересная закономерность. Когда человеку повезет и он сделает книгу, завоевавшую популярность и даже славу, потом в большинстве случаев он обречен на бездействие. Писатель становится модным. И это губительно для писателя. Автор, думающий о славе, никогда не станет большим писателем, как и тот, кто не умеет трудиться и регулировать свое время. В этом смысле мне очень нравится стиль работы и рабочий ритм некоторых известных писателей. Они просто отключают телефоны и работают. В грузинских условиях, при наших традициях и стиле общения с людьми это невозможно. Я должен каждому ответить и обязательно принять всех, кто меня хочет видеть.

Не скрою, по-человечески приятно сознавать, что тебя знают и даже любят. Но от писателя, как от кинозвезды, ждут необычного, оригинальных, нестандартных ответов. Тогда постоянно думаешь о том, чтобы не оплошать, не ударить лицом в грязь, то есть о суетном, а не о том, что действительно волнует. Сохранить в таких условиях душевное равновесие нелегко.

— Пожалуйста, расскажите о предьстория создания «Дата Туташхиа».

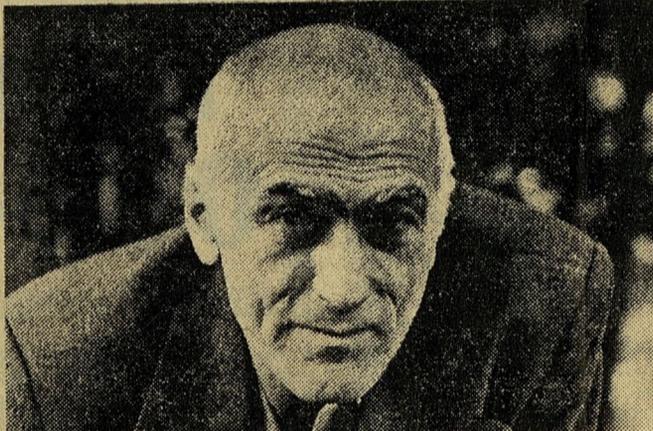
— Нодар Думбадзе в беседе о многомерности образа главного героя как-то сказал, что герой должен смотреться со всех сторон, как скульптура. Отличительной чертой каждого серьезного автора и является это умение показать характер во всем многообразии его противоречий, с разных ракурсов. Герой должен раскрываться и как гражданин, патриот, муж, отец, друг... И если в книге действуют такие герои, она обязательно найдет адресата.

Мировая литература последних десятилетий населена закомплексованными героями — сумасшедшими, хромыми, больными, ущербными людьми. А читатель всегда тянется к герою — кумиру для подражания. Быть может, подсознательно ему хочется узнать в герое себя, открыть в его чертах свои положительные качества, либо неосознанные стремления к ним. И я стал думать над образом Дата Туташхиа. На мой взгляд, назрела необходимость вернуться к проповеди нравственного кодекса. Конечно, я имею в виду советский нравственный кодекс. Ведь пропаганда высших нравственных норм всегда являлась отличительной чертой советской литературы. Таким образом, одним из стимулов к написанию книги была потребность читателей

иметь нравственный критерий в лице литературного героя, и моя личная потребность как писателя и гражданина — написать о том, что действительно волнует.

— Читателей и телезрителей взволновала масштабность произведения, самобытность героев. О чем вас спрашивают ваши корреспонденты?

— Пишем очень много. После демонстрации фильма «Берега» и я, и редакция, и киностудия «Грузия-фильм», и актеры стали получать их в огромном количестве. Больше всего зрителей поразили образ главного героя. Одним

он казался даже конкретным историческим лицом, мстителем, увлекающим за собой народные массы. Другим он виделся земным воплощением идеала. Людей привлекли смелость, сила героя, его мужественная красота, умение угадывать и объяснять самые тончайшие душевные порывы, стремление философски осмыслить человека, факт, явление. Я рад, что читатели хорошо поняли главную мысль произведения и их волнует то же, что и меня, — нравственное состояние общества.

Дата Туташхиа — литературный герой, вобравший нравственные идеалы людей. Двух главных действующих лиц — Дата Туташхиа и Мушни Зарандиа можно воспринимать и как антиподов, и как цельный характер, раздираемый противоречиями. Мушни так же бескорыстен и честен, талантлив и красив, умен, как и Дата Туташхиа. И все же он персонализированное воплощение отрицательного. И дело даже не в том, что он в своих верноподданнических чувствах достигает в жандармерии самых высоких постов, воплощая власть. А Дата Туташхиа — свободное, лишь нравственностью управляемое начало, посвятивший жизнь поискам истинной человечности. Мушни Зарандиа в отличие от Дата лишен главного — настоящей любви к людям. Ведь расставив дьявольскую ловушку против него, руками собственного сына дав физически уничтожить героя, Мушни вроде должен был торжествовать. Но Мушни познает не только бессмысленность собственной жизни, но и глубокое значение того, что такие люди, как Дата Туташхиа, и яркой, полнокровной жизнью, и смертью, и легендой вокруг своего имени всегда остаются победителями. Поняв это, он умирает и фактически признает себя побежденным.

Я посвятил роман борьбе двух начал — низменного и высокого, эмпирического и духовного не только в обществе, но и в душах людей. Устами героя мне хотелось напомнить читателям о непреходящих, вечных истинах, мудрости жертвовать собой во имя любви, поисках духовной свободы только одним возможным путем — активным добром и правдой. Вот одно из немногих открытий Дата Туташхиа: «Я не одинокий волк, думающий только о добыче, и не мирный бык, живущий для того, чтобы щипать траву. Я —

сын своего народа. И хотел бы делать что-то во имя своего народа. Я не могу сложить руки, хладнокровно взирая со стороны на свою родину!» И он действует, размышляет, борется за человеческое достоинство и правду, потому что не может иначе. И побеждает, несмотря на смерть.

— Грузию всегда называли страной поэзии. Чем вы объясняете заметные успехи грузинских прозаиков последних лет?

— Думаю, что вы подразумеваете поэзию в самом широком смысле. Я не знаю теоретика литературы, который мог бы четко разграничить поэзию и прозу. Все те качества, которые присущи поэзии, кроме размера, характерны и для прозы. Лично я считаю и эпос, и поэму прозой, написанной в стихах. Эта мысль была высказана

в своем воображении свой, глубоко индивидуальный образ. Литература создает столько героев, сколько и читателей. Экран же дает нам лишь одного готового героя. В этом заключаются свои преимущества и свои недостатки. Я не могу прибегнуть к статистике, но, исходя из соображения, что люди более охотно смотрят прозу, трансформированную в кино, чем читают ее, делаю вывод: либо люди не хотят себя утруждать мысленной работой над созданием зрительного образа непосредственно из литературного произведения, либо они этого не могут делать. Фильм дает единственное зрительное решение идеи для всех зрителей.

И тут происходит парадокс. Нередко слабое в художественном смысле произведение благодаря таланту режиссера, актеров получает прекрасное воплощение средствами другого искусства. И наоборот. Если говорить о телефильме «Берега», то я не отождествляю его с первоисточником. Это самостоятельный телефильм, в основном, мне кажется, он состоялся.

— Насколько автобиографичны ваши произведения?

— Писатель — это стиль, хороший глаз, умение чувствовать и страдать. Я не буду перечислять общезвестных истин. И, конечно, писатель может сказать, что творчество — это опыт, биография, пережитые конфликты, коллизии, люди, вошедшие в жизнь. В той или иной степени книги писателя автобиографичны. Мне скоро шестьдесят. Я прожил сложную жизнь. Много разных людей встречалось на жизненных дорогах. Много разных профессий перепробовал. Был землекопом, лесорубом, грузчиком, директором предпринятия, снабженцем, шофером. Подспудно, конечно, зрела мысль писать, выразить на бумаге прочувствованное, пережитое.

— А как появился первый рассказ?

— Однажды решил написать рассказ. Написал. Зашел в редакцию литературного журнала «Мнатоби», попал к машинисткам. Мне было тридцать девять лет. На мне была черная фетровая шляпа, коричневое ратиновое пальто. В глазах девушек я прочел глубокое сожаление: «Еще один графоман!» Сказали, что отделом прозы руководит писатель Арчил Сулакаури. Он уже собирался уходить. Я вытащил из внутреннего кармана пальто вдвое сложенную рукопись. А Сулакаури велел оставить и зайти через несколько дней. Когда он торопливо положил рукопись на стол, листы раскрылись. А Сулакаури пробежал их глазами и переспросил фамилию. Затем прямо в пальто стал читать все одиннадцать страничек. Читал внимательно, долго, а потом сказал: «Да ты, брат, оказывается, писатель!» Велел сесть и помчался к редактору. Возвратился он через сорок минут с визой Симона Чиковани — пустить рассказ в уже сверстанный номер.

— Над чем вы работаете сейчас?

— Я пишу книгу, как всегда, медленно и трудно. Я не принадлежу к числу тех людей, кто пишет быстро и легко. Работаю над каждой страницей мучительно и долго.

Пока не знаю, какого она будет объема — новая книга.

Произведение обещает быть очень сложным. Но задача писателя — ходить по нехоженому, писать доступно и интересно о вечном. Как это получится — судить читателям!

еще А. С. Пушкиным после написания «романа в стихах».

У грузинской прозы очень глубокие поэтические корни. Еще в V веке был создан шедевр древнегрузинской прозы «Мученичество Шушаники». Это не агиографическое, а мирское произведение Пуртавели, полное страсти, патриотизма, гражданственности, наделено высокими поэтическими качествами. Грузинская литература всегда развивалась комплексно. Писалась хорошая проза и хорошая поэзия — все то, что есть изящная, поэтическая и образная литература.

За последние десятилетия в Грузии стала создаваться именно такая литература. Интересно и то, что многие поэты: О. Чиладзе, А. Сулакаури, в свое время Н. Думбадзе пишут великолепную прозу. Думаю, что рамки, границы, размеры стиха перестали вмещать полет фантазии, широту тем и проблем, которые их волновали. Еще один немаловажный фактор — литература стала необходимой потребностью масс.

Издравле у нас знали и ценили литературу. Но сейчас республика стала поголовно читающей. Любая грузинская книга, журнал молниеносно исчезают с прилавков. Традиция грузинской, русской, мировой классической литературы, глубокое знание творчества великих писателей Востока, их особое отношение к слову и, конечно, большое значение социального заказа породили сегодняшнюю грузинскую художественную прозу. Корни ее уходят в глубь веков и питаются живительными соками современности. Эта аккумуляция прошлого и настоящего, энергия и талант многих поколений, видимо, сработали особенно эффективно именно в наше время. В противном случае трудно объяснить появление у маленького народа столько хороших и разных писателей. Закончу тем, что наша поэзия совсем не уступает прозе. Просто поэзия менее коммуникабельна. Ее труднее доводить до иноязычного читателя. Редко совпадают таланты поэта и переводчика.

— Ваше отношение к экранизациям в кинематографе и на телевидении?

— Когда писатель пишет своего героя, то он уверен, что каждый читатель

Беседу вела Иа МУХРАНЕЛИ, наш соб. корр. ТБИЛИСИ. Писатель Чабуа Амирэджоби.